

4. Засодимский П.В. Из воспоминаний. – М., 1908.
5. Затеева Т.В. Из истории русского романа XIX века (Творчество П.В. Засодимского). – Улан-Удэ, Изд. Бурятского ун-та, 1996.
6. Михайловский Н.К. Герои и толпа – Н.К. Михайловский Избранные труды по социологии в двух томах – СПб.: Алетейя, 1998.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Художественная литература, 1970.
8. Якушин Н.И. По градам и весям: Очерк жизни и творчества П. В. Засодимского. – Архангельск, 1965.

Ипатова С.А.

Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия)

В статье рассматриваются версии об авторстве стихотворения «Дикарка», подписанного «А. Фет».

Ключевые слова: жанр акростиха, А. Фет, пародия, мистификация, палиндром(он), литературная борьба второй половины XIX века.

Акротекст, являя, как правило, криптограмму, обладает кодированностью, несущей особый зашифрованный смысл, некую тайнопись, доступную посвященным, и таким образом сообщает некий подтекст содержанию стихотворения, в которое встроен. Таким тайнописным приемом может фиксироваться подпись автора, имя адресата; может быть составлено посвящение, признание, послание, заклинание, пророчество; реже областью применения являются акро-эпитафии, в которых сообщалось имя умершего [см. 8, с. 8–9; 10, с. 14–15]. Акрофраза может быть не связана с содержанием текста, в который она была вписана. В качестве небанального примера акростиха следует привести подражание-пародию «Дикарка» за подписью «А. Фет», с сосуществующим в нем скандальным акростихом, компрометирующим журнал «Заря», в котором он был напечатан, и не имеющим, казалось бы, связи не только с содержанием стихотворения, что допускалось жанром, но и с самим Фетом и его отношениями с изданием. Таким образом, следом за вопросом, кто мог воспользоваться именем уже маститого поэта, остается без ответа вопрос: с какой целью, помимо пародийной?

В 1869 году, в февральском номере только что начавшего издаваться В. В. Кашпиревым (1836–1875) петербургского журнала «Заря» было опубликовано стихотворение, озаглавленное «Дикарка», за подписью «А. Фет», которое оказалось пасквильным акростихом «Зоря Кашпирева умирает», и к авторству которого, как впрочем, и к самому журналу, на тот момент Фет не имел ни малейшего отношения. Однако подпись под стихо-

творением была подкреплена талантливой стилизацией под фетовскую поэзию, и, видимо, поэтому «Дикарка» не вызвала сомнений в означенном авторстве. Приведем стихотворение полностью.

Дикарка

Зал сияет точно днем,
Облит светом люстр хрустальных;
Ряд улыбок, полуслов
Я ловлю на лицах бальных.

Как змея всех обвила
Апатическая скука,
Шаловливая хандра,
Поэтическая мука.

И одна лишь только ты,
Робко-ласковая Мери,
Если вступишь в светлый зал,
Весела по крайней мере.

Ах, дитя, ведь этот свет
Учит лгать нас бесконечно;
Меж людей дикарка ты,
И дикаркой будь ты вечно.

Растлевательно-прекрасен
Ароматно-лживый свет.
Если кто в него вступает,
То тому пощады нет.

А. Фет [7, II, с. 6].

Стихотворение как фетовское 18 февраля 1869 года, то есть сразу же по выходе журнала, было перепечатано (с некоторыми незначительными разночтениями) в «С.-Петербургских ведомостях» с курсивным выделением самого акrostиха и с сопутствующим комментарием: «Полученная нами сегодня вторая книжка “Зари” заключает в себе необыкновенный курьез. <...> Стихи эти, конечно, плохи, но замечательно то направление, которое приняла муза г. Фета: она подсказывает ему акrostихи и, как муза вещая, акrostихи, может быть, пророческие» [20, № 49, с. 2]. Следом, 23 февраля, стихотворение было перепечатано в «Современных известиях» в статье без подписи «Шутка, недостойная печати», автор которой, цитируя выступление «Биржевых ведомостей», также отметивших эту «шутку», пишет: «Очевидно, что выходящий в этих стихах акrostих отнюдь не случайность <...>. В таком разе, что же это такое <...>? Злая насмешка! Но за что? – Журнал еще ни с какой стороны не заявил себя. И кто это шутил?

Г. Фет?.. Трудно верится. Так *кто же?* Это шалость вовсе не невинная. Мы полагаем <...> что на г. Фете лежит некоторая неотразимая обязанность разъяснить этот, во всяком случае, неприятный для нового издания казус». Завершается статья вопросом: «Любопытно, кто виновник обмана?» [22, № 52, с. 3].

Разразился скандал. О том, какое впечатление произвела эта публикация на знакомых и близких поэта, можно судить по письмам И. С. Тургенева, А. М. Жемчужникова, И. П. Борисова. Так, Тургенев, обращаясь к Я. П. Полонскому 20 февраля (4 марта) 1869 года, спрашивает: «Что это за чепуху выкинул Фет с акrostихом в “Заре”. Как можно позволять себе такие мальчишества?!» [26, IX, с. 159]; а 24 февраля (8 марта) 1869 года, видимо, узнав, что Фет не причастен к авторству акrostиха, он пишет П. В. Анненкову: «Что за пошлая штука с Фетом? Но как же он до сих пор публично не протестовал? Надо сознаться, что стихи дьявольски искусно подделаны и напоминают незабвенный рододендрон» [26, IX, с. 163]. Позже в письме к И. П. Борисову от 12 (24) марта 1869 года писатель вновь возвращается к этой теме: «Как это Фет до сих пор не опроверг печатно возводимой на него клеветы! Этого нельзя так оставлять» [26, IX, с. 180].

Обеспокоенный друг и родственник Фета И. П. Борисов пишет поэту 2 (14) марта 1869 года: «Вот уже несколько дней, как ходят разные толки, и твое имя звучит по Москве. Дело казусное. <...> стихотворение это оказалось злостный *акrostих* на “Зарю” <...> не худо бы тебе сделать от себя заявление. Говорят, будто бы это стихотворение попало в “Зарю” с письмом от тебя, потому и напечатано», а двумя днями позже сообщает: «Акrostих проклятый и что тебе предпринять. Одни кричат, что не может быть, чтобы это ты, а другие не узнают фальшивки и меняют ее на чистые денежки. Так ли-сяк ли, а надо тебе разъясниться – хоть стихами же, даже Акро-Стихами» [ОП РГБ. Ф. 315. К. 5. № 76; цит. по: 28, с. 174]. Обратил внимание на одну из газетных публикаций и А. М. Жемчужников, который в письме к Тургеневу от 24 февраля (8 марта) 1869 года сообщает о «прекрасной находке» – «акrostихе Фета», опубликованном в № 49 «С.-Петербургских ведомостей» [см. РО ИРЛИ. Ф. 5813. Л. 27–27 об.; цит. по: 13, с. 114].

Акrostихотворение «Дикарка», истолкованное современниками как дурное предзнаменование, прозвучало, как заготовленная заранее надгробная эпитафия. И действительно, журнал, просуществовав чуть более трех лет, закрылся в феврале 1872 года за недостаточностью подписчиков. Вскоре от неправильно сросшегося перелома ноги умирает и его редактор-издатель В. В. Кашпирев.

Вероятно, на том основании, что стих был републикован в коршевских «С.-Петербургских ведомостях», а может быть, и на основании курсивовавших слухов распространилось мнение, закрепившееся и в научной

литературе, что автором акrostиха был В. П. Буренин, активный критик этого издания. Возможно, одной из причин была его профессиональная репутация бесцеремонного циника, который, по словам Н. С. Лескова, «только и делает, что выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошлое и мало ему свойственное» [11, XI, с. 533 — письмо к Л. И. Веселитской от 1 июня 1893 г.]. Версия с авторством Буренина утвердилась настолько, что в статье о В. В. Кашпиреве, помещенной в авторитетном биографическом словаре «Русские писатели» без каких бы то ни было ссылок говорится об этом, как об общеизвестном факте [см. 16, II, с. 523]; отсюда мнение перекочевало в «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева» [13, с. 199]. Следует заметить, что существует печатный источник, который можно было бы указать в обоих случаях, но, повторим, ссылки отсутствуют. Источник этот — воспоминания одного из сотрудников «Зари», приближенного к «кружку» редакции, рецензента издания В. Г. Авсеенко: «Но дела “Зари” шли на убыль. Не помогли ни твердая постановка славянской программы, ни бесконечные “Люди сороковых годов” Писемского, ни слабенький роман Достоевского “Вечный муж”, ни умненькие статейки Страхова. Уныние все более овладевало кружком, хорошо помнившим, как недогадливая редакция напечатала стихотворение В. П. Буренина с коварным акrostихом: “Зоря Кашпирева умирает”. Это стихотворение, злодейски подписанное именем Фета, прозвучало, как похоронный удар колокола... <...> “Заря” прекратилась» [1, с. 451].

Однако эта версия не подтверждается реакцией самого Буренина, заключающей, как нам кажется, его причастность; едва ли, будучи автором этой мистификации, он стал бы разоблачать ее и настаивать на низком качестве стиха в обзоре, помещенном в тех же «С.-Петербургских ведомостях» 25 февраля. «Без всякого сомнения, — пишет Буренин под псевдонимом Z., — акrostих этот писан не знаменитым певцом неуловимых ощущений (ибо трудно вообразить себе, чтоб он решился так зло шутить с г. Кашпиревым), а каким-либо забавником, который хотел помистифицировать почтенную редакцию органа, объявившего в своей программе, что в нем будет особенное наблюдение за художеством и поэзией. Несмотря на то, что стихотворение носит характер явной и злой пародии, что оно не имеет смысла, почтенная редакция обольстилась подписью г. Фета, и украсила страницы своего издания поэтическим перлом, который заключает логическую фразу только в заглавных буквах стихотворных строк. Я не сомневаюсь, что если б “Заре” представил г. Фет или кто-либо из “знаменитых” поэтов пьесу, в которой слова были бы составлены из одних согласных букв, то и эта пьеса, под эгидой знаменитого имени, была бы напечатана редакцией» [20, № 56, с. 2].

Фет, как известно, никаких печатных разъяснений по поводу акrostиха «Дикарка», подписанного его именем, не давал и вспомнил об этом инциденте лишь семнадцать лет спустя, когда 20 февраля 1886 года газета

«Русский курьер» опубликовала письмо к редактору «Русского курьера», подписанное «Аф. Фет», в котором содержалась история написания И. С. Аксаковым «остроумного» стихотворения «Мудрец наших дней» (о некоем неумном венском авторе Фриделе, выступавшем против деятельности И. С. Аксакова под псевдонимом «Мудрец наших дней»). Приведенное стихотворение, как утверждалось в этом письме от якобы Фета, было сочинено Аксаковым в присутствии поэта, переписавшего его для себя. Стихотворение оказалось акростихом «Ланин дурак» (Н. П. Ланин – редактор-издатель «Русского курьера»), к авторству которого только что умерший Аксаков, разумеется, никакого отношения не имел, как и Фет к посредничеству его «припоминания». Приведем эту публикацию в сокращении: «Милостивый государь, г. редактор! Так как никто из представителей печати так тепло не отнесся к памяти покойного И. С. Аксакова <...>, то я думаю небезынтересен для вашей газеты будет следующий факт из жизни Ивана Сергеевича, который имел место за несколько дней до его кончины.

В субботу 25-го января (он умер 27-го вечером) в квартире И. С. сидели: я, генерал Киреев» и приятели покойного. Заговорили о книге Фриделя, «составляющей всецело полемику против всей деятельности» Аксакова. «Все мы смеялись над этим *мудрецом*, толковали о несообразности» его доводов. «Вот оно:

Мудрец наших дней

Люди смеются над ним бесконечно.

“А наплевать мне на них” – он твердит.

На ворот брань не повиснет, конечно,

И *мудреца* не она удивит.

Надо быть стойким в своем убежденьи,

Дурь – если даже одна на уме...

Ум хорошо бы иметь, без сомненья,

Разве ж он репа?.. При свете, при тьме,

Аж хоть ты лопни, не купишь его...

Как же тут быть?.. Проживу без него.

Примите и проч.

Аф. Фет» [17, № 50, с. 1].

Следом заметку републиковали и «Новое время», поместившее 22 февраля перепечатку [14, № 3588, с. 3], и «Новости», и «С.-Петербургские ведомости» (№ 53). Прочитав это, Фет ответил. В «Письме к издателю», появившемся в «Московских ведомостях» 27 февраля 1886 года, он, опровергая подлог, припомнил и «Дикарку»: «М. г. Прошу многоуважаемую редакцию вашей газеты не отказать в помещении следующей заметки <...> мнимое письмо мое рассказывает, как при мне в квартире покойного И. С. Аксакова написано приведенное пасквильное стихотворение. Я мог бы просто заявить, что никогда покойный

И. С. Аксаков не писал в моем присутствии ничего подобного, и я ни к каким *Курьерам* не обращался; но так как подобное злоупотребление моим именем является не впервые, то я раз навсегда прошу читателей пасквильного стихотворения за мою подписью быть твердо уверенными в грубом подлоге. Примите и пр. А. Фет» [27, № 57, с. 3; см. также: 6, 3–5]. Надо сказать, что редакция «Русского курьера» уже на следующий после публикации на своих страницах акростиха день, т. е. 21 февраля, поместила вынужденное объяснение, повторенное 25 и 26 февраля, в котором «предательское письмо и оскорбительный для нас акростих» квалифицировались как «ловко и мошеннически измышленные нашими завистниками и недоброжелателями» [17, № 51, с. 1–2; № 54, с. 1, 2–3; № 55, с. 3]; однако ни в одном из объяснений не последовало никаких извинений перед Фетом, чье имя было скомпрометировано. И только после опровержения Фета в «Московских ведомостях» «Русский курьер» 28 февраля, перепечатав его, поместил следующую оправдательную заметку: «Иезуитская проделка каких-то негодяев с известным уже читателям пасквильным и оскорбительным для нас “акростихом”, на которую поддались, к сожалению, как мы, так и “С.-Петербургские”, наиболее нас опытнее в газетном деле редакции, вызвала негодование и справедливый протест со стороны известного поэта А. Фета, именем которого так нагло злоупотребили эти негодяи» [17, № 57, с. 1]. «Известная история с акростихом, – поспешили оправдаться и «С.-Петербургские ведомости», – помещенным покойною “Зарюю” г. Кашпирева под видом стихотворения А. А. Фета, повторилась теперь в “Русск<ом> кур<ьере>”. Вчера мы привели из него рассказ. <...> И рассказ, и стихотворение – все это, конечно, оказалось мистификацией» (1886. № 54).

Что касается «Дикарки», то в следующем, мартовском, номере «Зари» за 1869 год было опубликовано «Заявление от редакции» следующего содержания: «В некоторых экземплярах “Зари” № 2 на стр. 6-й напечатано стихотворение “Дикарка” за подписью А. Фета. Считаем долгом объявить читателям, что мы были обмануты, что это стихотворение не принадлежит г. Фету (в чем мы теперь удостоверены и письмом нашего почтенного поэта [речь идет о частном письме Фета к Кашпиреву, которое неизвестно. – С. И.]); кем написано стихотворение, нам неизвестно, но оно было прислано нам при письме, подписанном: А. Фет и оказавшемся фальшивым» [7, III, с. 200]; неизвестно и это фальшивое письмо.

Так вышло, что почти сразу в литературном мире стал упорно курсировать слух о причастности к авторству акростиха Н. С. Лескова, который якобы и подослал его Кашпиреву через своих орловских друзей, тем более что логически основания у Лескова были: незадолго до этого писатель вышел из состава редакции «Зари» после конфликта с Кашпиревым по поводу запроданных и не представленных «Божедомов», то есть части будущих «Соборян». Сам Кашпирев в письме к Фету от 27 февраля 1869 года

поспешил принести личные извинения, подробно изложив историю получения стихотворения, вложенного в анонимное письмо с орловским штемпелем; логика объяснения Кашпирева наводила на мысль о причастности к этому бывшего сотрудника «Зари» Лескова, хотя и не утверждала этого [см. *ОР РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 65; воспроизведено в: 28, с. 178–179]. Однако такая версия была подхвачена и развита в современном исследовании, в котором основным аргументом о вероятной причастности Лескова является утверждение, что писатель «не гнушался мистификации»; этого оказалось мало и за недостаточностью доказательной базы, помимо намеков Кашпирева и известных неприязненных отзывов современников о самом писателе, исследователь вынуждена была констатировать: «вряд ли стоит утверждать, что Лесков непременно был причастен к появлению акростиха в “Заре”, хотя мотивы у него были» [28, с. 180].

Едва ли Лесков, безоговорочно ценивший талант Фета, мог позволить себе приписать его имя под акростихом «Дикарка», а тем более стилизовать его под поэзию Фета. В последней статье цикла «Специалисты по женской части», опубликованной в 1867 году в декабрьском номере «Литературной библиотеки», Лесков пишет о влившемся в литературу «критического направления», то есть нигилистов, этого «мутного потока» посягательства на все поэтическое: «Они начали с издевательства над восторгами наших поэтов по поводу женской красоты»; страстные строфы лермонтовского «Демона» были «избраны предметом для глупых пародий, рассказанных лошадиными языками развязных поэтов “Искры”». Все, что есть теплого и милого в стихотворениях Фета, начиная с стихотворения «Какое счастье, – ночь и мы одни» до безглагольного «Шепот, робкое дыханье» и до грациозной «Крошки», – все это было перековеркано и названо клубниччиной» [см. 9, с. 268]. Едва ли Лесков мог одновременно осуждать печатно разнуданность поэтов «Искры» и «Русского слова», защищая Фета от их нападок и искренно восторгаясь его поэзией, и в то же самое время, из какой-то замысловатой мести Кашпиреву (через орловских знакомых, анонимным письмом), сочинять и подсылать редактору «Зари» от имени поэта гнусный акростих. Позже, в частном письме к А. С. Суворину от 26 марта 1888 года он писал о Фете: «Какие хамы у нас в двор<яных> собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью “Новостей”, где литературный хам “отделал Фета”. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!.. И газеты не дорожат своими людьми» [11, XI, с. 375]. Имелась в виду рецензия В. И. Модестова на перевод Фета «Энеиды» Вергилия, в которой в отношении переводчика, «очень пожилого и болезненного» человека, бестактно намекалось на якобы нерусское его происхождение (см. *Новости и Биржевая газета*. 1888. 25 янв. № 25. С. 2).

Появись «Дикарка» под любой литерой, включая многочисленные буквенные псевдонимы самого Лескова, цель акростиха – эпитафия «Заре» – была бы достигнута. Однако, казалось бы, лишняя подпись Фета была зарифмована и подкрепляла талантливую стилизацию под его поэзию, поэтому основным, если не единственным, адресатом акростиха «Зоря Кашпирева умирает» был, конечно, не Кашпирев и его журнал, не успешный никак заявить о себе (это, скорее, побочный эффект, хулиганская выходка), а именно Фет и его поэзия, стяжавшие к 1869 году богатую литературу пародий, эпиграмм и мистификаций, в упражнениях с которыми Лесков не был замечен, но замечены были сотрудники «Русского слова», а также поэты-«искровцы» (А. П. Сниткин, П. А. Медведев, Д. Д. Минаев и др.), особенно плодovитые по части эпиграмм на Фета и пародий на его поэзию.

Рассматривая версию с причастностью Лескова, если того хочется, необходимо учитывать свидетельства самого писателя по этому поводу. 2 марта 1886 года Лесков, узнав из «Нового времени» о печатном опровержении Фета, опубликованном в «Московских ведомостях», о его непричастности к воспоминанию об Аксакове, отправляет А. С. Суворину в письме от 3 марта 1886 г. заметку «Об авторе пасквильных акростихов» для публикации в «Новом времени», в которой возвращается к «Дикарке»: «...напечатайте-ка прилагаемую заметочку о пасквильных акростихах. Поэт тут упоминаемый есть Д. Минаев. Событие, разумеется, верно, как то, что я чту имя Божие» [11, XI, с. 311, 695]. На следующий день заметка Лескова была опубликована, и в ней акростих на Ланина квалифицировался как «недостойная проделка», совершенная от имени Фета над редактором «Русского курьера», и прозрачно намекалось на Минаева как на автора «Дикарки». Приведем ее с небольшими купюрами: «г. Фет напомнил, что такая проделка совершается подложно от его имени уже не первый раз. Напоминание это без сомнения относится к случаю, бывшему первый раз с редактором “Зари”, покойным В. В. Кашпиревым.

Акростих, которым была введена в заблуждение редакция “Зари”, был неприятен не одному г. Фету, но он был особенно неприятен и мне, потому что мы с покойным Кашпиревым как раз перед появлением акростиха разошлись из-за романа “Соборяне”, и потому некоторыми людьми плохой совести был пущен слух, что акростих написал я и подослал его Кашпиреву через моих орловских друзей. Находили, что для меня это было особенно удобно, так как я орловский уроженец и имею родных в Орловской губернии.

Все это была дрянная клевета, но мне опровергать ее печатно было нечем, да и неудобно, так как она держалась, только в сфере кружковых, литературных сплетен. <...> я старался узнать: от кого выходила такая злонамеренная гадость. Вскоре я и узнал, что слух о сочинении акростиха мною был особенно поддерживаем одним поныне здравствующим поэтом,

который в своей жизни очень много упражнялся в издевательствах надо мною за мое “вредное направление”». Это и навело Лескова на мысль: не сам ли этот поэт «наградил “Зарю” акростихом, подписанным именем Фета?» И далее Лесков подробно описывает, как вскоре получил «тому очень убедительное подтверждение от одного знакомого из Орла», а позже и устное признание того самого поэта. И хотя писатель не называет в своей заметке имя этого «популярного поэта, ловко подделывающегося под различные чужие манеры в стихотворстве», но и не прикладывает особых усилий, чтоб его скрыть, более того, Лесков сознательно проговаривает, что этот поэт «делал много переводных работ для Вольфа». Речь шла, конечно, об активно занимавшимся переводами у издателя и книгопродавца М. О. Вольфа Д. Д. Минаеве, с которым у Лескова были, действительно, сложные отношения. Свою подписанную заметку Лесков заключает: «Так как нет ничего тайного, что не сделалось бы когда-нибудь явным, то и имя путавшего нас пасквилянта без сомнения когда-нибудь будет названо, а друзья и единомышленники этого поэта, вероятно, найдут в том для себя своего рода честь и удовольствие» [12, с. 2]. Опровержения от Минаева не последовало.

Еще одно свидетельство следует учитывать, занимаясь авторством «Дикарки». Биограф и исследователь творчества Фета Б. Садовской в признании Лескова не усомнился и снабдил воспроизведенную им с некоторыми купюрами заметку писателя в своей книге «Ледоход» следующим примечанием: «Автор пасквильных акростихов» – Д. Д. Минаев «знаменитый версификатор и “король рифм”, ненавидевший Фета и осыпавший его грубыми насмешками в печати при всех удобных и неудобных случаях. <...> Сам Фет относился к Минаеву со спокойным пренебрежением. В одном из писем к Н. Н. Страхову он говорит: “Какой Курочкин и Минаев мне брат, не потому ли, что носят сапоги?! Все эти неумытые даже не *dii minorum gentium!*” (боги младших родов, второстепенные боги. – *лат.*) <...> Что касается акростиха-пасквиля на Н. П. Ланина в “Русском курьере”, то можно утверждать почти наверное, что автором его был не Минаев» [18, с. 178]. Заметим, что возможным автором этого акростиха на Ланина был, по воспоминаниям В. А. Гиляровского, поэт П. И. Кичеев, экспромтом сочинивший его в ресторане в тесной компании «сотрудников одной газеты», решивших «вышутить» Ланина, – «все были в восторге, но когда поэт показал маленький секрет (акростих – *С. И.*), все разразились неудержимым хохотом» [установлено Е. В. Дервягиной: 6, с. 5].

Заметим, что связь между акрофразой «Зоря Каипирева умирает» и самим подражанием «Дикарка», вероятно, существует: сама программа славянофильского журнала «Заря», далекого от насущных проблем российской действительности, соотносилась Минаевым с идеализированным миром поэзии Фета, певца неуловимых ощущений. Возможно, что в редакции «Зари», куда входил ведущий в ней критический отдел

Н. Н. Страхов, позже стало известно имя действительного автора «Дикарки». В саркастической рецензии на поэтический сборник Минаева «Песни и поэмы» (СПб., 1870) Страхов, отмечая путаницу в предметах, словах и мыслях поэта, писал: Минаев – «поэт прогрессивный и потому поэзии в его стихах вовсе не полагается <...>. Г. Минаев вооружается против роскоши и разврата <...> он требует милосердия и сострадания к бедным и несчастным, осмеивает пороки, взятки, тщеславие» (Заря. – 1870. – № 11. – С. 172). В стихах самого Минаева, описывающего балы, в соответствии с его собственным направлением, девушки на таких балах являлись либо сладострастными фуриями, либо падшими или содержанками, вынужденными танцевать, привлекая богатых клиентов, либо только ступившими на эту стезю (см., к примеру, «Мишура»). «Тонкий художественный слух, – справедливо пишет О. Е. Майорова о Минаеве, – сделал его метким пародистом, умело игравшим на незаметных сдвигах значений и смело экспериментировавшим. <...> Некоторые его пародии оказались на грани подражания и зачастую пародия становилась неотличима от пародируемого поэта, что Минаев не раз использовал в мистификаторских целях» [16, IV, с. 74].

Следует упомянуть, что в истории пародирования поэзии Фета был прецедент с подражанием-пародией, подписанным «А. Фет» и имитирующим его пейзажную лирику. Речь идет о пародии Н. А. Некрасова «Лето», датированной в академическом Собрании сочинений предположительно 1854 годом:

Умирает весна, умирает
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар сноровляет
Укусить, – все роскошно одето!
<...>

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голоса сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

А. Фет¹.

Не исключено, что смысловым прототекстом «Дикарки» могло стать стихотворение А. Н. Апухтина «А. А. Фету» (1858), в котором «дикарка

¹ По мнению Б. Я. Бухштаба, основными объектами этой некрасовской пародии стали стихи Фета 1854 г. «Возможна датировка стихотворения и следующим, 1855 г. В этом году поэзия Фета подверглась тщательному изучению со стороны основных участников тогдашнего “Современника” – Тургенева, Некрасова, Дружинина, Боткина»; кружок «занимался скрупулезной (и очень самоуправной) редактурой стихов Фета» для готовящегося сборника 1856 г. (Бухштаб Б. Я. Пародия Некрасова на А. А. Фета // Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 86).

молодая» хохочет, лукаво кривляясь, над Музой поэта, строгой и прекрасной «богиней» в «причудливом уборе»:

Прости, прости, поэт! Раз, сам того не чая,
На музу ты надел причудливый убор;
Он был ей не к лицу, как вихорь — ночи мая,
Как русской деве — томный взор!

Его заметила на музе величавой
Девчонка резвая, бежавшая за ней,
И стала хохотать, кривляясь лукаво
Перед богиней твоей.

Но строгая жена с улыбкою взирала
На хохот и прыжки дикарки молодой,
И, гордая, прошла и снова заблестала
Неувядаемой красой.

Стихотворение это носило характер извинения Апухтина за свою «Пародию» на Фета (1858), заведшую поэта:

Боже, в каком я теперь упоении
С «Вестником русским» в руках!
Что за прелестные стихотворения,
Ах!

Там Данилевский и А. П. таинственный,
Майков — наш флюгер-поэт,
Лучше же всех несравненный, единственный
Фет.

Много бессмыслиц прочтешь патетических,
Множество фраз посреди,
Много и рифм, а картин поэтических
Жди!

Если стихотворение Апухтина «А. А. Фету» присутствовало в творческом сознании Минаева при написании «Дикарки», то очевиден смысловой сдвиг в пользу дикарки, не умеющей лгать среди лживых людей. Даже если предположение об этом стихотворении как о вероятном прототексте «Дикарки» не брать в расчет, то нельзя не отметить его как свидетельство Апухтина, описавшего, скорее всего, не собственное глумление «резвой» дикарки над удаляющейся «гордой» и «величавой» Музой Фета, а современную литературную ситуацию, в которой уже со второй половины 1850-х годов на Фета обрушились многочисленные эпиграммы и пародии, злобно толкующие его поэзию как бессодержательную и безыдейную.

Тематика выступлений Минаева, язвительного сокрушителя «чистого искусства», к концу 1860-х годов скатилась на уровень склок петербургских журналистов, что иронически подметил М. Е. Салтыков-Щедрин в рецензии на сборник его стихотворений «В сумерках» (СПб., 1868): его сатира, «прилепившись к Петербургу», может интересовать только небольшой круг прикосновенных» [19, IX, с. 249]. Итак, на основании имеющихся свидетельств и косвенных доказательств задача установления имени действительного автора злополучного акростиха «Дикарка» уже не кажется неразрешимой.

* * *

В связи с «Дикаркой» безусловный интерес представляет тонкое наблюдение Тургенева, отметившего в письме к Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1869 года: «Надо сознаться, что стихи дьявольски искусно подделаны и напоминают незабвенный рододендрон» [26, IX, с. 163]. Хотя стихотворение Фета «Рододендрон» (1856) не было опубликовано при жизни поэта, именно оно могло послужить ритмическим прототекстом для пародии «Дикарка» (оба построены на основе четырехстопного хорея), так как было весьма популярно в литературных кружках конца 1850-х годов как образчик «бессмысленности» фетовской поэзии. По справедливому предположению Н. П. Генераловой, не исключено, что оно должно было войти в сборник стихотворений Фета 1856 года, «однако “ареопаг”, трудившийся над “очищением” стихов Фета и внесением в них “ясности”, был единодушен в своем суровом отзыве. И Фет, возможно, вынужден был сдать» [4, XI, с. 494]. В «ареопаг» входили: Некрасов, Тургенев, Анненков, Дружинин, Л. Толстой и др. (см.: Фет А. Мои воспоминания. — М., 1890. — Ч. I. — С. 126–128). Приведем это великолепное стихотворение, ставшее символом «бессмысленности» фетовской поэзии:

Рододендрон! Рододендрон!
Пышный цвет оранжереи
Как хорош и как наряжен
Ты в руках вертлявой феи
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Но в руках вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большие томы
И поэзии и прозы!
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Хороши и все нападки
На поэтов, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендрон! Рододендрон! [21, с. 70].

По воспоминаниям Б. Н. Чичерина, Тургенев и Анненков «восторгались недавно вышедшими стихотворениями Фета. Стихи читались вслух; отмечались их поэтические красоты, а иногда смеялись над прорывавшимися в них бессмыслицами. Тургенев знал наизусть два стихотворения, одно под заглавием “Мщение трубадура”, а другое с повторяющимся в конце каждой строфы стихом: “Рододендрон! Рододендрон!” в обоих с первой строки до последней не было ни малейшего смысла, и ничего нельзя было понять» [29, с. 145]. Одно из лучших стихотворений Фета «бессмысленный» «Рододендрон» сохранился и был опубликован лишь в 1901 году, а, вероятно, уничтоженное поэтом «Мщение трубадура» до сих пор остается неизвестным.

Анненков, описывая Тургеневу «картину» современного состояния литературы и расстановку направлений, сообщал ему 15 (27) октября 1857 года: «Поэты, как Майков и Фет – пишут бессмыслицы» (речь идет о многочисленных публикациях стихотворений А. Н. Майкова и Фета в журналах этого времени); и далее, подразумевая повествователей «натуральной школы», добавляет: за Щедриным и Печерским, которые для успеха «обязаны подбавлять каждый раз жизненной мерзости», плетется «вереница повествователей, рассказывающих, как при сдаче всунули им истертый гривенник», а «булочник с лотка сайку утащил» [2, I, с. 60, 346].

Ученица Н. А. Добролюбова Н. А. Татаринова (Островская), впоследствии писательница, оставила воспоминания о своем домашнем учителе, к этому времени уже сотруднике «Современника», и о его уроках, которые начались с января 1857 года: «Занималась я с ним только полторы зимы, и мы не пошли дальше Жуковского. Но иногда ему случалось говорить мне и о позднейших писателях. <...> раз упомянул он о Фете:

– Чтобы дать вам понятие об этом поэте, я прочту вам одно из его неизданных стихотворений.

И он, с некоторым злорадством, прочел длинную пьесу с припевом после каждой строфы: “Рододендрон, рододендрон!” – пьесу очень звучную, но действительно совершенно бессмысленную. Потом сообщил он мне из известного в то время рукописного “Сонника” Щербины: “Если глупый человек увидит Фета во сне, то еще более поглупеет, а умному человеку такой глупый сон никогда не приснится”.

– А вот послушайте еще: “Шепот, робкое дыханье...” Это сверху вниз, а теперь слушайте снизу вверх: “И заря, заря...” Не правда ли, все равно: что сверху вниз, что снизу вверх?

– И вздор это! – перебил его отец, входя в комнату. – Совсем не все равно, и стихотворение это — прекрасное» [24, с. 56–57]. Н. Ф. Щербина много раз переделывал свой «Сонник современной русской литературы», в котором эпиграмма на Фета в издании 1857 года варьировалась: «Фета во сне видеть, для читающей публики предвещает ложку меду и бочку дегтю;

военным же предвещает быть произведенными в эскадронные командиры...» [30, с. 334].

По воспоминаниям А. Я. Панаевой, не всегда, впрочем, достоверным, Фет приехал в Петербург (вероятно, в конце 1853 года) и «находился во вдохновенном настроении и почти каждое утро являлся с новым стихотворением, которое читал Некрасову, мне и всем литераторам, кто просил его прочесть»; и далее, явно оснащая описываемое злыми беллетристическими подробностями, но сохраняя при этом суть – отношение «ареопага» к поэзии Фета как к «бессмыслице», – добавляет: «Тургенев находил, что Фет так же плодовит, как клопы, и что, должно быть, по голове его проскакал целый эскадрон, от чего и происходит такая бессмыслица в его стихотворениях» [15, с. 202–203].

А. В. Дружинин в письме к Л. Н. Толстому писал 31 декабря 1859 года: «Сам Фет прелестен, но стоит на опасной дороге <...> он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений, и есть надежда, что наконец “Трубадур” и “Рододендрон” будут напечатаны» [25, I, с. 294].

В контексте приведенных отзывов обращает на себя внимание не только устойчивое восприятие стихотворения «Рододендрон» как бессмыслицы, бессвязного бессодержательного набора слов, но и объясняющий, в какой-то мере, эту устойчивость, общий источник суждений, то есть редакцию журнала «Современник» и его окружение 1855–1857 годов. Именно с ее подачи «бессмыслица» становится основным атрибутом поэзии Фета и для поэтов-«искровцев», и шире – в противоположении «бессмыслицы» «чистой поэзии» и «осмысленности» поэзии сторонников «утилитаризма» в искусстве. Для сторонников «утилитаризма» в искусстве коренной недостаток поэзии Фета, основного представителя направления, по выражению Добролюбова, «слова для слова», заключался в отсутствии у поэта так называемых «гражданских мотивов», в отсутствии связи фетовской поэзии с общественными вопросами, поставленными «духом времени».

Впервые чтение стихотворений Фета в обратном порядке – палиндром(он), – с установкой на «бессодержательность» оригиналов, было предложено, вероятно, Добролюбовым («Шепот, робкое дыханье...»), следом за которым прием палиндрома был использован Минаевым в пародиях на фетовские стихотворения «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» и «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...», опубликованных в «Искре» и «Русском слове» в 1863 году.

Палиндром – это перевертень, фраза или стих, которые могут читаться (по буквам, словам) с конца к началу с сохранением (обычно тождественного) смысла. Минаевская пародия «Пусть травы на воде русалки колыхают...» представляет собой стихотворение Фета «Уснуло озеро; безмолвен

черный лес...» (сб. 1856 года), дословно переписанное от последней строки к первой.

По мнению М. Л. Гаспарова, посвятившего этой пародии статью «"Уснуло озеро" Фета и палиндром Минаева», «общая установка пародий была, по-видимому, на "бессодержательность" и вытекающую из нее "бессвязность" оригиналов»; при этом, если попытаться «определить, в чем разница впечатлений от этих двух текстов» (Фета и Минаева), то, по мнению исследователя, минаевский текст «более связан», последователен, чем фетовский, но с оговоркой: «Это ощущение интуитивное, т. е. ни для кого не обязательное» [3, с. 171]. Сам Минаев, представляя эту пародию в «Русском слове», писал: «Положа руку на сердце, можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее»¹; здесь же, анализируя поэзию Фета, Минаев предлагает читателям самим поупражняться в составлении бессвязных, но музыкальных слов, по его собственному образцу, соответствующему стихам Фета: «Муза г. Фета задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодичные слова <...> вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении <...>:

Олеандра гирляндой над бандой;

Виден локон из окон и ленты;

А Кассандра, обняв Александра,

Под чинарой сосет переперменты...

(Русское слово. – 1863. – № 9. – С. 26–27).

Что касается «Рододендрона», то, по справедливому мнению Н. П. Генераловой, в контексте литературных споров по поводу поэзии Фета, «стихотворение не выглядит такой галиматьей, как это представлялось тогдашним строгим судьям поэта. <...> Несмотря на великолепную бессмыслицу повторения названия цветка (тоже розы, но альпийской), Фет вводит в стихотворение ряд деталей, указывающих на вполне конкретные обстоятельства. <...> Может быть, эта вещь была написана в качестве шутки и подана всерьез "ареопагу" на обсуждение. Так или иначе, но "реалии" 1856 года там явно присутствуют» [4, 494–496].

Неожиданное продолжение история с «Рододендромом» получила через тринадцать лет, то есть в 1869 году, ко времени публикации злополучного акростиха «Зоря Кашпирева умирает», когда вновь возник интерес к этому, казалось бы, забытому стихотворению. А. И. Герцен в серии очер-

¹ Попутно отметим, что упорно и без каких бы то ни было ссылок приписываемый Фету палиндром «А роза упала на лапу Азора» (см., к примеру: Greber E. Палиндром – Revolutio // Russian Literature. 1998. XLIII-II. 15 Feb. С. 167; Федотов О. И. Теория и история русского стиха: в 2 т. М., 2001. Т. 2. Строфика. С. 22), скорее всего, ему не принадлежит; авторство поэта относится, вероятно, к разряду многочисленных легенд вокруг его имени.

ков «Скуки ради», опубликованных в «Неделе» в 1868–1869 годах под псевдонимом «И. Нионский», неожиданно вновь вспомнил фетовский «Рододендрон»: «Я всегда завидовал поэтам, особенно “антологическим”»: напишет контурчики, чтоб было плавно, выпукло, округло, звучно, без малейшего смысла: “Рододендрон – Рододендрон” – и хорошо» [5, 20(1), 457–458, 827]. Повторим, метрическое сходство «Дикарки» с «Рододендроном» отмечал и Тургенев [см. 26, IX, с. 163; см. также: 23, с. 66–68].

Безусловно, не случайно пародия Минаева «Дикарка» написана тем же размером, что и «незабвенный» «Рододендрон». Какое именно стихотворение Фета послужило Минаеву в качестве смыслового прототекста, сказать трудно, но следует заметить, что прототексты Фета, ставшие материалом для многочисленных текстов-интерпретаций (в виде пародий) Минаева и других поэтов «Искры», в большинстве случаев не установлены.

Итак, от эксперимента с палиндромом в 1863 году Минаев продолжает экспериментировать с жанром пародии. Вероятно, для пушей доказательности фетовского авторства, он не только дополняет провоцирующую графическую маркировку – вертикальный текст акростиха, – не только пишет свою пародию размером «бессмысленного» «Рододендрона», расширяя таким образом смысловые коннотации «Дикарки», но и дополняет ее зарифмованной подписью «А. Фет», что уже сводило эти «дьявольски искусно подделанные» стихи до уровня грубой склоки.

Список литературы

1. Авсеенко В. Кружок (Рассказ по личным воспоминаниям) // Исторический вестник. – 1909. – № 5. – Т. 116.
2. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. – СПб., 2005. – Кн. 1–2.
3. Гаспаров М. Л. «Уснуло озеро» Фета и палиндромом Минаева (поэтика пародии) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. – М., 1995.
4. Генералов Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. – СПб., 2003.
5. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1954–1966.
6. Деревягина Е. В. Позабытое письмо А. А. Фета // XVIII Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература / под ред. М. В. Строганова, Н. З. Коковиной. – Курск, 2004.
7. Заря. – 1869.
8. Иванюк Б. П. Поэтическая речь: Словарь терминов. – 2-е изд. – М., 2008.
9. Измайлов А. Лесков и его время // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. – СПб., 2011.
10. Квятковский А. Поэтический словарь. – М., 1966.
11. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956–1958.
12. Лесков Н. С. Об авторе пасквильных акростихов // Новое время. – 1886. – 4 (16) марта. – № 3596. Подп.: Н. Лесков.
13. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. (1867–1870) / сост. Н. Н. Мостовская. – СПб., 1997.
14. Новое время. – 1886.
15. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. – М., 1986 (Серия «Литературные воспоминания»).

16. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. – М., 1989–2007 (издание продолжается).
17. Русский курьер. – 1886.
18. Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. – Пг., 1916.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – М., 1965–1977.
20. С.-Петербургские ведомости. – 1869.
21. Северные цветы на 1901 год. – М., 1901.
22. Современные известия. – 1869.
23. Строганов М. В. «Мир от красоты»: Проза и поэзия Афанасия Фета. – Курск, 2005.
24. Татаринова-Островская Н. А. Мои воспоминания о Н. А. Добролюбове // Русские методисты-словесники в воспоминаниях / сост., автор вступит. ст. и примеч. В. С. Баевский. – М., 1969.
25. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1–2. – М., 1978.
26. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. – изд. 2-е. – М., 1982–изд. продолжается.
27. Фет А. Письмо к издателю // Московские ведомости. – 1886. – 27 февраля. – № 57.
28. Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. – Саратов, 2008.
29. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 2: Москва сороковых годов / вступит. ст. и примеч. С. В. Бахрушина / под ред. С. Бахрушина и М. Цявловского. – М., 1929.
30. Щербина Н. Ф. Полн. собр. соч. – СПб., 1873.

Лахно Е.А.

«Панпсихизм» Л. Андреева (рассказ и пьеса «Мысль»)

В статье интерпретируется рассказ «Мысль» и трагедия Леонида Андреева с одноименным названием. На материале данных произведений исследуется трансформация одного жанра в другой, а также прослеживается эволюция художественного мышления автора на пути формирования самостоятельной модели новой драмы будущего, основанной на базовых принципах теории литературного «панпсихизма» Л. Андреева.

Ключевые слова: Л. Андреев, жанр, рассказ, трагедия, драматургия, теория литературного «панпсихизма».

Начало XX века было ознаменовано многообразием нравственных и эстетических поисков в области искусства, культуры и литературы. Драматизм и напряженность, которую рождала в целом тревожная и нестабильная историческая ситуация, безусловно, оказали серьезное влияние на отечественных авторов. Прозаики, поэты, литературные критики все чаще и решительнее начинали рассуждать о современной реалистической драме и ее будущем. Каждый из них отчетливо понимал, что кризисное состояние, в котором пребывала русская драматургия на рубеже веков, требует скорейшего вмешательства и проведения ряда серьезных реформ на пути возрождения театрального искусства.